

ков, знавший всю подноготную терроризма, спрашивал устами своего литературного персонажа: «Народовольцы оставили нам легенду: Желябов, Перовская, Кибальчич, Михайлов... Герои... Конечно, герои, но почему народовольцы скрыли от нас, что террор не только жертва, но и ложь, но и кровь, но и стыд?»¹⁷⁷.

На дознании Желябов заявит: «В силу распоряжения Исполнительного Комитета, я принимал известное участие в покушении под г. Александровском. Этим убеждениям я останусь верен и буду служить им до последнего моего издыхания»¹⁷⁸. Из Дома предварительного заключения первоартовцев провезли по улицам города к эшафоту на Семёновском плацу. Они ехали в позорных колесницах с дощечками «цареубийца» на груди. Желябов сидел спиной к лошадям, как и тогда при подходе императорского поезда. Рядом посадили Рысакова. Теперь их имена навсегда будут рядом. Весна в том году запоздала. По ночам подмораживало, а с утра солнце светило по-апрельски ярко, начиналась ростепель. На лужах, однако, сохранялась ещё наледь, как там, в овраге под железнодорожной насыпью.

¹⁷⁷ Савинков Б. То, чего не было. Роман, повести, рассказы, очерки, стихотворения. М., 1992. С. 363.

¹⁷⁸ Протокол допроса № 11 А.И. Желябова. 1 марта 1881 г. // Суд над цареубийцами. Дело 1-го марта 1881 года. Т. II. С. 4.

Зинаида Коноплянникова и убийство генерала Г.А. Мина

Григорий Кан

Zinaida Konopliannikova and the assassination of General G.A. Min

*Grigoriy Kan (M.V. Lomonosov Moscow State University
of Fine Chemical Technologies, Russia)*

13 августа 1906 г. на станции Новый Петергоф Петергофского уезда Петербургской губернии социалистка-революционерка Зинаида Васильевна Коноплянникова застрелила командира Лейб-гвардии Семёновского полка генерал-майора Георгия Александровича Мина, в 1905 г. подавлявшего Декабрьское вооружённое восстание в Москве вместе с московским генерал-губернатором адмиралом Ф.В. Дубасовым. Схваченная на месте убийства, террористка была приговорена к смертной казни и 29 августа того же года повешена в Шлиссельбургской крепости, став второй – после Софьи Перовской – женщиной, повешенной в России. Так началась деятельность Летучего боевого отряда Северной области (ЛБО), на протяжении всего своего существования – с июня 1906 по февраль 1908 г. – наводившего ужас на представителей власти.

О Коноплянниковой написано немного. А.И. Спиридович кратко упомянул о ней в своём капитальном труде о партии социалистов-революционеров (ПСР)¹. Немногим более десяти страниц занимает очерк А.М. Хирьякова, в

© 2015 г. Г.С. Кан

Выражаю искреннюю благодарность М.Н. Боярскому и С.В. Нехамкину за ценные советы и помощь при подготовке данной статьи.

1905–1906 г. тесно общавшегося с Коноплянниковой, слышавшего множество её рассказов о себе, а позднее собиравшего сведения о ней². До сих пор сохраняет научное значение и статья В.И. Шулятикова, написанная в основном по архивным материалам³. Почти карикатурный образ революционерки был создан писателем и публицистом А.С. Василенко⁴, в «документальной повести» которого немало вымысла и явных фактологических ошибок. Кроме того, беглое (и не совсем точное) описание убийства Мина, суда над Коноплянниковой и её казни дал в своей книге о Е.Ф. Азефе израильский историк Л.Г. Прайсман⁵.

Зинаида Васильевна Коноплянникова родилась 2 ноября 1878 г. в Петербурге. Её отец служил унтер-офицером Лейб-гвардии Гатчинского полка⁶. После выхода в отставку он работал вахтёром в Крестовоздвиженской общине сестёр милосердия (умер до апреля 1903 г.⁷). Хирьяков пишет, что это был человек прямой, но чрезвычайно вспыльчивый, хотя и старавшийся не давать воли своему гневу⁸; насколько он был близок с дочерью, неизвестно. Мать – Прасковья Сергеевна – малограмотная крестьянка, тихая и ласковая⁹. А.В. Тыркова-Вильямс, познакомившаяся с З.В. Коноплянниковой в Доме предварительного заключения в Петербурге (ДПЗ) в конце 1903 г., вспоминала: «Она нежно любила свою мать. У неё голос менялся, когда она о ней говорила». Зинаида и её сестра Мария, родившаяся 2 января 1883 г.¹⁰, скрывали от Прасковьи Сергеевны факт ареста – из писем, которые ей посылались из тюрьмы, нельзя было догадаться, что дочь находится за решёткой¹¹.

С 7 до 10 лет Зинаида получила начальное образование, а затем 6 лет обучалась в женской рукодельной школе императрицы Марии Александровны, о которой сохранила в целом добрые воспоминания. Училась она хорошо и всегда была первой ученицей¹². Уже в юные годы сформировался её характер. Как писала Тыркова-Вильямс, «Коноплянникова была полна бунта, напора, но была в ней и большая мягкость»¹³. По словам Хирьякова, Зинаида «всегда готова была отдать всё, что имела, первому встречному, нуждающемуся человеку». При этом «ещё в раннем детстве она была большим сорванцом, пытливым и предприимчивым ребёнком, склонным к всевозможным шалостям». «В ней

¹ *Спиридович А.И.* Партия социалистов-революционеров и её предшественники. 1886–1916. Пг., 1918. С. 183, 298.

² *Хирьяков А.* Зинаида Коноплянникова // *Голос минувшего*. 1918. № 10–12. С. 297–307. Хирьяков – писатель, поэт, литературный критик и журналист. Вплоть до 1914 г. он придерживался либеральных и пацифистских воззрений, близких к идеям Л. Толстого. Впоследствии взгляды его сильно изменились, и он закончил свою жизнь в эмиграции яростным противником большевиков, не отрицавшим и политического насилия.

³ *Шулятиков В.* Прости, мой народ! // *Учительская газета*. 1988. 7 ноября. № 132. С. 4.

⁴ *Василенко А.* Жучок. Документальная повесть об убийцах // *Молодая гвардия*. 1995. № 3. С. 107–143.

⁵ *Прайсман Л.Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. С. 219–220.

⁶ ГА РФ, ф. 102, 7-е д-во, 1906, д. 7934, л. 3.

⁷ Там же, 1903, д. 1613, ч. 5, л. 1 об.

⁸ *Хирьяков А.* Указ. соч. С. 297.

⁹ ГА РФ, ф. 102, 7-е д-во, 1906, д. 7934, л. 3 об.; *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. М., 2007. С. 141; *Хирьяков А.* Указ. соч. С. 297.

¹⁰ ГА РФ, ф. 102, 7-е д-во, 1906, д. 7934, л. 3 об.

¹¹ *Тыркова-Вильямс А.* Указ. соч. С. 141.

¹² Там же. С. 297; ГА РФ, ф. 102, 7-е д-во, 1906, д. 7934, л. 4; *Хирьяков А.* Указ. соч. С. 297.

¹³ *Тыркова-Вильямс А.* Указ. соч. С. 141.

было много мальчишеского, – отмечал мемуарист, – и она предпочитала общество мальчиков, которые невольно подчинялись ей, чувствуя её право на предводительство»¹⁴.

Еще в школе в ней впервые пробудился дух возмущения и протеста. «Классная дама у нас солгала что-то, – рассказывала позднее Зинаида Хирьякову. – ...Я страшно возмутилась и обругала её. Она пожаловалась начальнице. Та потребовала, чтобы я извинилась. Я отказалась... Историю эту как-то уладили..., но, кажется, с этого пустого случая началось моё критическое отношение к существующему строю». Жажду правды Хирьяков вообще считал одной из главных черт Коноплянниковой¹⁵. По свидетельству другого, не указавшего своё имя мемуариста, перед самым окончанием школы Зинаида познакомилась с каким-то сектантом, часто ездила к нему и подолгу беседовала. После этого она перестала посещать православную церковь¹⁶.

С 1896 г. Коноплянникова училась в Петербургской учительской семинарии, которую окончила в 1899 г., получив звание учительницы сельских и народных училищ¹⁷. В эти годы она занималась самообразованием, среди прочитанных ею книг – произведения У. Шекспира, И.К.Ф. Шиллера, Дж.Г. Байрона, В. Гюго, И. Канта, Ч. Дарвина, Г. Спенсера, Ф.В. Ницше, В.Г. Белинского, В.С. Соловьёва, Н.К. Михайловского и др.¹⁸ У неё самой, по мнению Хирьякова, имелась глубокая потребность выражать в звуках и образах свои душевные переживания¹⁹. Сохранилось 21 стихотворение Коноплянниковой. В них преимущественно звучали лирические и гражданские мотивы. Литературные достоинства её поэзии, возможно, невысоки, но страстный мятущийся характер автора она передаёт прекрасно: «Тихо деревья шептались, / Кротко светила луна... / Бури в душе поднимались. / С бурей боролась душа»²⁰. Зинаида неплохо играла на фортепьяно и скрипке, обожала гитару, у неё был красивый задушевный голос. Хирьяков навсегда запомнил, как она пела «Из-за острова на стрежень»: «Ничего не пожалею, / Буйну голову отдам! – Раздаётся голос властный / По окрестным берегам»²¹.

По окончании семинарии Коноплянникова получила место учительницы в поселке Чёрное Лифляндской губернии, расположенном на берегу Чудского озера²². Она называла это селение «медвежьим углом»: с трёх сторон лес, с четвёртой – озеро. Природа невзрачная: «печальная картина – ель да осина»²³. Местные жители – эстонцы – жили в крайней бедности, не имея собственной земли и существуя лишь за счёт рыбной ловли. Девушку поразила не столько нищета, сколько её беспросветность, отсутствие надежды на перемены: «Как можно жить так, жить без борьбы за лучшее будущее..., без единственного светлого луча в будущем, без единого проблеска на тёмном горизонте?». В школе Зинаиде было работать неприятно и тягостно. Эстонские дети плохо знали русский язык, на котором велось преподавание, и часто не понимали юную учи-

¹⁴ Хирьяков А. Указ. соч. С. 307.

¹⁵ Там же. С. 297–298.

¹⁶ Зинаида Васильевна Коноплянникова. [Б.м.], 1906. С. 13.

¹⁷ ГА РФ, ф. 102, 7-е д-во, 1903, д. 1613, ч. 5, л. 2; 1906, д. 7934, л. 3 об.

¹⁸ Там же, ф. 5802, оп. 2, д. 899, л. 1, 4 об.; Хирьяков А. Указ. соч. С. 298.

¹⁹ Хирьяков А. Указ. соч. С. 305.

²⁰ ГА РФ, ф. 5802, оп. 2, д. 899, л. 3 об.

²¹ Хирьяков А. Указ. соч. С. 305.

²² Там же. С. 298.

²³ Зинаида Васильевна Коноплянникова. С. 7–8.

тельницу. А она, в свою очередь, не могла с ними нормально общаться, не говоря по-эстонски. «Тяжело было видеть, – вспоминала Коноплянникова, – как малютка ученик на моё требование говорить только по-русски такими жалкими и беспомощными глазами смотрел на меня. “Отчего я не могу в этих стенах говорить на своём родном языке?” – читала я в этих грустных глазах»²⁴.

Проработав в таких условиях год, Зинаида осенью 1900 г. перевелась учительницей в земскую школу села Гостилицы Петергофского уезда Петербургской губ. На новом месте Коноплянникова с живостью, любовью и энергией принялась за своё дело. С окружающими она первоначально вела разговоры исключительно о школе и преподавании в ней²⁵. Девушка действительно очень любила детей, умела привлечь их внимание к изучаемому предмету, заинтересовать. Е.М. Мозолайнен, хозяйке дома в селе Луизино около станции Новый Петергоф, Зинаида говорила в начале августа 1906 г., что с детьми «нужно только уметь обращаться, и тогда они делаются ласковыми и послушными». «Действительно, – признавала в своих показаниях Мозолайнен, – за ту неделю, что она у меня столовалась, она сумела очень расположить к себе моих детей и подолгу с ними возилась»²⁶. Хирьяков утверждал, что дети «души в ней не чаяли», «тянулись к ней, как лозинка к воде, как травка к солнцу». Наказанием для непослушных учеников являлось уже то, что любимая учительница переставала на них смотреть²⁷.

Тем не менее в своей речи на суде Коноплянникова говорила, что вокруг школы складывалась неблагоприятная обстановка: «Заведу ли я беседы и чтения для народа невинного характера, псаломщик доносит инспектору, что “учительница занимается сторонними школьным занятиям беседами и толкованиями”, поп пишет по своему ведомству, что учительница секты насаждает, толстовщину распространяет, юношество развращает. Займусь ли народными спектаклями, выступает на сцену со своими доносами урядник и жандарм». Из-за доносов девушку постоянно вызывали для объяснений то инспектор, то училищный совет, то губернатор²⁸.

Следует признать, что основания для подозрений и беспокойства у местных властей имелись. Так, священник первоначально был недоволен тем, что Зинаида почти не ходила в церковь сама и очень редко водила туда детей²⁹. Через несколько месяцев после приезда в Гостилицы Коноплянникова познакомилась с арендатором мельницы крестьянином Э.Э. Каппелем. Последний настолько был очарован юной учительницей, что «стал к ней неравнодушен, почти что не влюбился». Девушка отвечала ему симпатией. Летом 1901 г. Каппель сделал ей предложение, но получил отказ. Как было сказано при объяснении, его избранница «никогда замуж не пойдёт, так как не желает быть самкой, и что цель её жизни совсем иная», а именно – «служение народу, в жертву коему она готова

²⁴ Там же. С. 8.

²⁵ ГА РФ, ф. 102, 7-е д-во, 1903, д. 1613, л. 28, 37.

²⁶ Дело Зинаиды Коноплянниковой // Былое. 1917. № 1. С. 268.

²⁷ Хирьяков А. Указ. соч. С. 299–300. Красивыми глазами Зинаиды любовалась и отнюдь не склонная к восторженности Тыркова-Вильямс (*Тыркова-Вильямс А.* Указ. соч. С. 141). В описании её примет, сделанном на следующий день после ареста в 1903 г., было отмечено: «Впечатление, производимое наружностью: хорошее» (ГА РФ, ф. 102, 7-е д-во, 1903, д. 1613, ч. 5, л. 4).

²⁸ Зинаида Васильевна Коноплянникова. С. 8–9. Первое сохранившееся донесение о её политической неблагонадёжности относится к 11 июня 1902 г. (ГА РФ, ф. 102, ОО, 1906, д. 211, л. 1–2).

²⁹ Зинаида Васильевна Коноплянникова. С. 14.

принести себя». При этом Зинаида не скрывала своего сочувствия революционным и социалистическим идеям³⁰.

Приблизительно тогда же в доме учительницы стал собираться кружок из 7–10 человек, которым девушка открыто говорила о безобразии существующих в России порядков, обвиняла правительство и призывала «бороться и не жалеть себя», добавляя, что «законным путём ничего не добьёшься»³¹. Среди слушателей оказались, в частности, тот же Каппель и содержатель мелочной лавки крестьянин М.И. Щирин, впоследствии давшие полиции откровенные показания.

Стремясь установить тесный контакт с жителями Гостилиц, Коноплянникова устраивала в 1901–1902 гг. театральные постановки с участием самих крестьян («Женитьба» Н.В. Гоголя, «Не всё коту масленица» А.Н. Островского и др.). Спектакли требовали репетиций, и сельская молодёжь часто бывала у неё дома. Она действительно сблизилась с крестьянами и имела на них большое влияние³².

Осенью 1901 г. (по данным Щирина) или в феврале 1902 г. (по свидетельству Каппеля) Зинаида начала в узком кругу близких к ней грамотных крестьян распространять нелегальную литературу социалистической направленности, сочинения Л. Толстого, газеты «Революционная Россия», «Искра» и «Освобождение»³³. Ближе к концу своего пребывания в Гостилицах девушка предложила доверявшим ей крестьянам усилить пропаганду и разбрасывать запрещённые книги и брошюры в селе и по всему Петергофскому уезду вместо того, чтобы передавать их из рук в руки. Она полагала, что это даст больший эффект. Одна женщина из её кружка в декабре 1902 г. разбросала эти издания в Гостилицах³⁴. Всё это делало невозможной работу Коноплянниковой по специальности. 8 ноября 1902 г. петергофский уездный исправник сообщал губернатору, что девушка «явно ведёт преступную пропаганду среди крестьянской молодёжи», и просил перевести её в другую, более отдалённую от Петергофа, школу³⁵. 11 декабря 1902 г. Петергофский уездный училищный совет уволил её с занимаемой должности³⁶.

В речи на суде Коноплянникова заявляла, что «без особого сожаления оставляла учительство». По её словам, она поняла, что не в силах делиться с народом теми знаниями, которыми обладает, и не может объяснить ему причины его бедственного положения: «Я видела необходимость прежде всего создания таких условий, при наличии которых можно было бы мыслить о всестороннем развитии человека. Я видела необходимость борьбы с правительственной самодержавной тиранией и деспотией»³⁷. Ещё будучи учительницей в Гостилицах, девушка часто ездила в Петербург, где установила контакты с местными революционерами (скорее всего, эсерами), получая от них нелегальную литературу³⁸. После увольнения Коноплянникова переехала в столицу, где жила, занимаясь частными уроками³⁹. Но связь её с Гостилицами не прерывалась: к

³⁰ ГА РФ, ф. 102, 7-е д-во, 1903, д. 1613, л. 37–37 об.

³¹ Там же, л. 28–28 об.

³² Там же, л. 28 об., 29 об., 34, 37 об.; Зинаида Васильевна Коноплянникова. С. 14.

³³ ГА РФ, ф. 102, 7-е д-во, 1903, д. 1613, л. 28 об.–29, 35, 37 об.

³⁴ Там же, л. 23 об.

³⁵ Там же, 3-е д-во, 1902, д. 2539, л. 3.

³⁶ Дело Зинаиды Коноплянниковой. С. 273.

³⁷ Зинаида Васильевна Коноплянникова. С. 9.

³⁸ ГА РФ, ф. 102, ОО, 1906, д. 211, л. 1–1 об., 5; 7-е д-во, 1903, д. 1613, л. 45 об.

³⁹ Там же, 7-е д-во, 1903, д. 1613, ч. 5, л. 1 об.

ней несколько раз приезжали Каппель и Щирин, и она передавала им запрещённые издания⁴⁰.

Примерно тогда же Зинаида стала членом возникшей в конце 1901 г. ПСР⁴¹. Как известно, эта партия добивалась замены самодержавия демократической федеративной республикой со всеобщим избирательным правом и полноценными гражданскими свободами, а также социализации земли, т.е. безвозмездного изъятия её из частной собственности отдельных лиц или групп и передачи в общенародное достояние, распоряжаться которым должны были центральные и местные органы самоуправления (включая сельские общины). Предполагалось, что пользование ею будет уравнилельно-трудовым⁴². В борьбе с самодержавием эсеры активно применяли насилие и террор. С 1901 г. действовала Боевая организация (БО), которую с 1903 г. возглавлял Е.Ф. Азеф, одновременно являвшийся агентом полиции. Его правой рукой был Б.В. Савинков. В течение 1902–1905 гг. от рук боевиков погибли министры внутренних дел Д.С. Сипягин и В.К. Плеве, командующий войсками Московского военного округа вел. кн. Сергей Александрович и уфимский губернатор Н.М. Богданович⁴³. С начала 1905 г., помимо БО, террором стали заниматься и боевые отряды при областных и губернских комитетах ПСР. Когда вышел Манифест 17 октября 1905 г., террор был прекращён, но уже в январе 1906 г., после жестокого подавления Декабрьского вооружённого восстания в Москве и других массовых выступлений, политические убийства возобновились.

Сделавшись эсеркой, Коноплянникова вела пропаганду (по-видимому, среди рабочих)⁴⁴. Тогда же девушка делилась с Щириным своим сожалением о том, что какой-то группе не удалось покушение на Плеве. Щирин констатировал, что «Зинаида Коноплянникова сочувствовала террору и сама, мне кажется, была способна на террор»⁴⁵.

В перехваченных полицией письмах Зинаиды, отправленных в феврале–марте 1903 г. к учительнице А.Л. Воздвиженской (жившей на станции Царицыно Московско-Курской железной дороги), содержались в иносказательной форме жалобы на аресты и сообщалось о намерении в мае поехать на три месяца в Германию, а в августе – в Париж⁴⁶. Однако 27 апреля 1903 г. Коноплянникову арестовали. Задержание носило случайный характер – обыскивали её соседку, а Зинаида вызвала подозрение, выставив в этот момент свёртки с какими-то вещами на крышу прилегающей постройки. Тогда решили обыскать и её⁴⁷. В результате были найдены «революционные издания, рукописи и принадлежности множительного аппарата», что стало основанием для ареста и отправки в ДПЗ⁴⁸.

⁴⁰ Там же, д. 1613, л. 23 об.–24, 34 об.–35.

⁴¹ *Тыркова-Вильямс А.* Указ. соч. С. 141. О том, что она эсерка, Коноплянникова говорила Тырковой-Вильямс в тюрьме в конце 1903 г. Наиболее вероятно, что в ПСР Зинаида вступила в период между декабрём 1902 г. и арестом 27 апреля 1903 г.

⁴² Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 1. М., 1996. С. 276–278.

⁴³ О БО подробнее см.: *Городницкий Р.А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998.

⁴⁴ *Хирьяков А.* Указ. соч. С. 300.

⁴⁵ ГА РФ, ф. 102, 7-е д-во, 1903, д. 1613, л. 24.

⁴⁶ Там же, ОО, 1906, д. 211, л. 8, 10.

⁴⁷ Там же, л. 15–15 об.

⁴⁸ Там же, 7-е д-во, 1903, д. 1613, ч. 5, л. 2 об.

31 июля 1903 г. дело Коноплянниковой присоединили к уже начатому дознанию о пропаганде среди крестьян в Петергофском уезде⁴⁹.

«Коноплянникова, – докладывал 9 октября 1903 г. директору Департамента полиции начальник Петербургского губернского жандармского управления (ГЖУ), – представляет из себя тип вполне убеждённой, энергичной и решительной революционерки. Будучи арестована, она крайне вызывающе держала себя на допросах и отказывалась давать какие-либо показания»⁵⁰. «Мне понравилось её молодое, круглое, чисто русское лицо, её серые большие глаза, решительный, пристальный взгляд, – вспоминала о своём знакомстве с Зинаидой в ДПЗ Тыркова-Вильямс. – ...Эта арестантка... чувствовала себя военнопленной, но не побеждённой. От отрывистых бесед с ней на меня веяло конспирацией, подпольщиной»⁵¹.

Власти не знали, что делать с Коноплянниковой. Сперва её собирались выслать под гласный надзор полиции либо в Архангельскую губернию, либо в Восточную Сибирь, но затем решили выпустить и отдать под особый надзор полиции в Харькове. 13 апреля 1904 г. она вышла на свободу⁵², но в Харьков уезжать не спешила. 27 апреля – ровно через год после первого ареста – её вновь поместили в ДПЗ⁵³. Основанием для задержания на этот раз стала прослеженная филёрами встреча Зинаиды 14 апреля 1904 г. в Таврическом саду с эсеркой Ю.И. Мержеевской, с которой она обменялась какими-то пакетами⁵⁴. Между тем по агентурным данным Петербургского охранного отделения, Мержеевская вела в столице активную пропагандистскую деятельность и готовила покушение на императора во время смотра войск на Марсовом поле 28 апреля 1904 г.⁵⁵ На сей раз тюремное заключение Коноплянниковой продлилось до 1 декабря 1904 г., когда она была освобождена и оставлена под особым надзором полиции в Петербурге⁵⁶.

Характерные черты личности Коноплянниковой ярко проявились в одном случае, описанном известной эсеркой (в прошлом народоволкой) П.С. Ивановской со слов некоей Домны, отбывавшей наказание за мелкое воровство и подрабатывавшей сиделкой в больнице при ДПЗ, где в какой-то момент оказались Коноплянникова и Мержеевская. Домна страдала трахомой (болезнь глаз), которая на начальной стадии считается очень заразным заболеванием. Несмотря на то, что, по мнению врача, опасности Домна уже не представляла, её хотели перевести в Литовский замок, отличавшийся более суровым режимом, дабы защитить революционерок от возможной инфекции. Но обе арестантки, не боясь заразы, воспротивились этой мере, находя её ненужной для себя и жестокой для Домны. Им удалось отстоять сиделку. Домна была особенно благодарна Зинаиде: «Я видела-таки на своём веку много всяких, но такие редко встречаются... Она меня, как птица своё дитя, укрыла. Никогда не давала она мне

⁴⁹ Там же, д. 1613, л. 4.

⁵⁰ Там же, д. 1613, ч. 5, л. 5 об. По предложению начальника Петербургского ГЖУ 16 октября 1903 г. Коноплянникову перевели в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, но уже 8 ноября вернули в ДПЗ (Там же, л. 6, 12, 34).

⁵¹ *Тыркова-Вильямс А.* Указ. соч. С. 141.

⁵² ГА РФ, ф. 102, 7-е д-во, 1903, д. 1613, ч. 5, л. 3, 37, 38.

⁵³ Там же, 3-е д-во, 1902, д. 2539, л. 10 об.

⁵⁴ Там же, л. 10.

⁵⁵ Там же, ф. 124, оп. 13, д. 766, л. 1–1 об., 7–8.

⁵⁶ Там же, л. 11.

почувствовать свою греховность. Пила, ела вместе со мной, одним полотенцем утиралась»⁵⁷.

Оказавшись на свободе, Конопляникова уехала в Швейцарию⁵⁸. После тюрьмы она всё решительнее склонялась к вооружённой борьбе с правительством⁵⁹. Вместе с тем, судя по стихотворению «Молитва», какое-то время девушка ещё колебалась в своём выборе: «О, боги вселенной! Меня защитите / От натиска страсти мятежной, / Удары меча её вы отклоните / И мир возвратите душе моей прежний»⁶⁰. Так или иначе, вскоре она окончательно пришла к выводу, что «ничего нельзя создать нового, не разрушив старого; если идеи на штыки не уловишь, то и одними идеями штыков не отклонишь»⁶¹.

Девушка училась готовить бомбы и стрелять. Владеть оружием её обучал кн. Д.А. Хилков⁶² – бывший толстовец, ставший эсером и приверженцем террора (после Манифеста 17 октября 1905 г. он довольно резко отойдёт от революции). К началу июля 1905 г. Зинаида вернулась в Россию и под именем Л.В. Рудневой поселилась в Петровско-Разумовском на даче некоей Мурановой. Там она намеревалась организовать мастерскую для изготовления бомб или место для их хранения⁶³. Судя по району деятельности, это было задание Московского комитета ПСР.

К концу июля полиция уже знала о приезде и намерениях Зинаиды. Передавая эти сведения, заведующий Заграничной агентурой Л.А. Ратаев особо указывал, что «происходят они из источника, заслуживающего безусловного доверия, и никакому сомнению не подлежат»⁶⁴. Московские филёры начали следить за девушкой, присвоив ей кличку «Любезная»⁶⁵. Фиксировался каждый её шаг, все связи и встречи. 25 августа 1905 г. она уехала в Саратов, где среди прочих посетила некоего Д.К. Горохова (паспорт его был подложным, а личность так и не смогли установить)⁶⁶, в квартире которого находилась динамитная мастерская. Там ей передали два свёртка, вероятно, с принадлежностями для разрывных снарядов⁶⁷. 11 сентября Горохова арестовали⁶⁸. Власти решили задержать и Зинаиду, 2 сентября вернувшуюся в Москву, но она в тот же день выехала в Смоленск⁶⁹. Там 12 сентября полиция перехватила девушку при попытке покинуть поезд. В её чемодане обнаружили вещества и технические материалы, которых, по заключению экспертов, хватило бы на изготовление

⁵⁷ *Ивановская П.С.* В боевой организации // Женщины-террористки в России. Ростов н/Д, 1996. С. 147–148.

⁵⁸ *Хирьяков А.* Указ. соч. С. 300.

⁵⁹ Зинаида Васильевна Конопляникова. С. 9–10.

⁶⁰ ГА РФ, ф. 5802, оп. 2, д. 899, л. 5.

⁶¹ Зинаида Васильевна Конопляникова. С. 10.

⁶² *Хирьяков А.* Указ. соч. С. 300.

⁶³ ГА РФ, ф. 63, 1905, д. 834, л. 1, 9–9 об., 44.

⁶⁴ Там же, л. 9. Речь, конечно, шла об Азефе, что подтверждает и письмо, посланное в августе 1905 г. в ЦК ПСР старшим помощником делопроизводителя Департамента полиции Л.П. Меньщиковым, хорошо осведомлённым о делах сыска. Обвинения в адрес Азефа, содержащиеся в письме Меньщикова, были тогда ЦК ПСР проигнорированы (*Савинков Б.В.* Воспоминания. М., 1990. С. 340–341).

⁶⁵ ГА РФ, ф. 63, 1905, д. 834, л. 44.

⁶⁶ Там же, л. 44 об.–45, 46–47, 58, 62–64 об.

⁶⁷ Там же, ф. 102, 7-е д-во, 1905, д. 5497, л. 24 об.–25, л. 31–31 об.

⁶⁸ Там же, л. 24 об.–25.

⁶⁹ Там же, ф. 63, 1905, д. 834, л. 99 об.

20 бомб. Коноплянникову доставили в Москву и поместили в Московскую губернскую тюрьму (Таганку)⁷⁰.

Казалось, на сей раз Зинаиде не избежать многолетней каторги. Однако после Манифеста 17 октября 1905 г. в России и прежде всего – в столицах полтора месяца царил невиданный либерализм. И уже 18 октября 1905 г. московский генерал-губернатор П.П. Дурново распорядился выпустить девушку на свободу, даже не поставив об этом в известность градоначальника и охранное отделение⁷¹.

Со своей стороны, ПСР готовилась, как тогда выражались, «добывать правительство»⁷² с помощью вооружённого восстания. Для его подготовки был создан боевой комитет во главе с Азефом (в него вошли также Б.В. Савинков и П.М. Рутенберг)⁷³. Но в Петербурге, в конечном счёте, выступление сорвалось из-за массовых арестов и неготовности масс. Да и само эсеровское руководство к началу декабря 1905 г. отказалось от своих планов⁷⁴.

В Москве же дело обстояло иначе. 9 декабря 1905 г. в городе началось восстание, организованное местными комитетами ПСР и РСДРП при участии рабочих многих местных предприятий. Восставшие возводили баррикады, между повстанцами и правительственными силами происходили масштабные боевые действия. Центром вооружённого мятежа стала Пресня, где располагались Революционный комитет и командование боевых дружин.

Желая помешать отправке войск в Москву, эсеры решили взорвать мост на Николаевской железной дороге⁷⁵. По-видимому, ещё в конце ноября под руководством Рутенберга была создана динамитная мастерская. В ней работала приехавшая в Петербург Коноплянникова и М.М. Шнееров⁷⁶. Вскоре динамит и бомбы были готовы. Взрыв взял на себя железнодорожный союз, и его представителю передали все технические принадлежности. Но покушение не удалось, а его участников едва не арестовали на месте преступления⁷⁷. Узнав об этом, Зинаида вернулась домой страшно расстроенная. «Мне невероятно тяжело, – говорила она Шнеерову. – Вся наша работа пропала даром. Карательная экспедиция отправилась в Москву, нам не удалось задержать её... Мы обанкротились». Товарищ по партии утешал девушку: «Самое лучшее ружьё может дать осечку. Иногда рука задрожит, пуля в цель не попадёт. Вы ведь только приготавливали, сами не подкладывали». Коноплянникова прижалась к нему и тихо вздрагивала, а потом сказала: «Нужно, чтобы рука не дрожала, чтобы пуля в цель попала»⁷⁸.

15–16 декабря в Москву прибыли войска, сумевшие разгромить повстанцев. Главную роль при этом сыграл Лейб-гвардии Семёновский полк, которым командовал полковник Г.А. Мин. 18 декабря штаб боевых дружин Пресни отдал дружинникам приказ о прекращении борьбы. Несмотря на это, сопротивление в отдельных местах продолжалось ещё два дня и было окончательно сломлено лишь к 20 декабря.

⁷⁰ Там же, ф. 102, 7-е д-во, 1905, д. 5497, л. 25.

⁷¹ Там же, л. 44.

⁷² Чернов В.М. Перед бурей. М., 1993. С. 245.

⁷³ Савинков Б.В. Указ. соч. С. 198, 203.

⁷⁴ Чернов В.М. Указ. соч. С. 245, 252.

⁷⁵ Савинков Б.В. Указ. соч. С. 203.

⁷⁶ Hoover Institution Archives (далее – НИА), Shneyeroff Papers, Box 1.

⁷⁷ Савинков Б.В. Указ. соч. С. 203.

⁷⁸ НИА, Shneyeroff Papers, Box 1.

И во время восстания (особенно в ходе его подавления), и в первые дни по окончании боёв погибло множество людей. Московский генерал-губернатор Дубасов писал, что было убито 447 человек, среди них 54 представителя власти (включая солдат), 93 «мятежника» и 298 лиц из посторонней публики (в том числе 48 женщин и 27 детей)⁷⁹. Историк А.С. Вальдин насчитывает 424 погибших (34 военных и полицейских, 84 дружинника, остальные – «случайные лица»)⁸⁰. Помимо жертв, связанных с боевыми действиями, на совести повстанцев – расстрел после импровизированного суда околоточного надзирателя Пресненской части В.А. Сахарова и начальника московской сыскной полиции А.И. Войлошника⁸¹. Власти действовали ещё более жестоко. 12 декабря Дубасов издал распоряжение, согласно которому полиции и армии разрешалось применять на улицах оружие против любой группы свыше трёх человек, поскольку они «всегда являются прикрытием для мятежников»⁸². В приказе генерал-губернатора, переданном Мину 19 декабря, предписывалось «оказывающих малейшее сопротивление и дерзость и взятых с оружием в руках пристреливать»⁸³. Что именно воспринимать как «малейшее сопротивление и дерзость», Дубасов оставил на усмотрение полковника и его подчинённых. После этого по Москве прокатилась волна убийств и издевательств над пленными дружинниками, а также людьми, лишь заподозренными в том, что они участвовали в восстании или помогали повстанцам⁸⁴.

Конечно, о жестокостях войск свидетельствовали прежде всего (хотя и не только) сами участники восстания или сочувствовавшие им представители демократической и социалистической общественности: левые либералы (Е.Л. Камаровская, В.И. Климков), эсеры (М.В. Вишняк, В.М. Зензинов), меньшевики (П.А. Гарви, составители сборника «Москва в декабре 1905 г.»), рабочий-большевик, будущий литератор Г.Д. Деев-Хомяковский и многие другие. Естественно, они были по-своему пристрастны и отражали широкий спектр мнений только одной стороны конфликта. Но это отнюдь не даёт основания полностью игнорировать приводимые ими сведения, считая их заведомо вымышленными или фальсифицированными. И их тем более необходимо учитывать для понимания того, как именно подавление Московского восстания воспринималось современниками.

Даже чины полиции порою считали действия войск неоправданно жестокими. Согласно записке смотрителя полицейского дома Пресненской части

⁷⁹ «Достоинство власти требует не мстить, а разобрать виновность каждого». Ф.В. Дубасов о декабрьском вооружённом восстании 1905 г. в Москве // Исторический архив. 1998. № 5–6. С. 100.

⁸⁰ Вальдин А.С. Декабрьское вооружённое восстание в Москве // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. Т. 2. М., 1996. С. 10.

⁸¹ Высший подъём революции. Вооружённые восстания. Ноябрь–декабрь 1905 года. Ч. 1. М., 1955. С. 769–770.

⁸² Из истории московского вооружённого восстания. М., 1930. С. 200.

⁸³ Там же. С. 51.

⁸⁴ См.: Москва в декабре 1905 г. М., 1906. С. 115, 188, 192, 228–238; Москва на баррикадах (впечатления очевидца). М., 1906. С. 34; Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 116, 118–119; Гарви П.А. Воспоминания социал-демократа. Нью-Йорк, 1946. С. 675–676; Деев-Хомяковский Г. Пекаря на баррикадах // Московское декабрьское вооружённое восстание 1905 г. Сборник материалов, воспоминаний и документов. М., 1940. С. 133; Зензинов В. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 250, 260; «Что-то дикое, ужасное, но героически благородно!» Записки графини Е.Л. Камаровской. Декабрь 1905 г. // Исторический архив. 2000. № 5. С. 181; Климков В. Расправы и расстрелы. М., 1906. С. 16, 34, 36–37, 40–41, 48–54, 58, 80–81.

Н. Бардина, Мин «при начале военных операций на просьбу одного из приставов пощадить мирных жителей и не расстреливать их квартир ответил, что мирных жителей он не признаёт». Бардин, впрочем, оправдывал Мина, напоминая, что «в него и его отряд стреляли, а кто и откуда стреляет, разобрать трудно». Но и Бардин отмечал, что семёновцы вели «расстрел с каланчи (наблюдательной башни при полицейской части. – Г.К.) всех, кто ни покажется на глаза, для удовольствия, ради спорта, оправдываясь тем, что стреляют по революционерам»⁸⁵. Большевик-литератор Деев-Хомяковский в 1940 г. описывал жуткий эпизод, который наблюдал в 1905 г., когда под перекрёстный огонь двух армейских частей попали дети от 8 до 12 лет. Большая часть из них погибла, как и многие их матери, бросившиеся под пули спасать своих ребятишек⁸⁶.

20 декабря после захвата Семёновским полком Прохоровской мануфактуры военно-полевой суд под руководством самого Мина приговорил к смерти 13 дружинников. Ранним утром следующего дня они были расстреляны прямо во дворе завода. Другая часть схваченных рабочих подверглась порке⁸⁷. В Миусском техническом училище «усмирители» расстреляли 26 членов санитарной дружины – 14 студентов и 12 студенток⁸⁸. Расстрелы и порки задержанных производились повсюду. Один из очевидцев событий, скрывшийся под псевдонимом Москвич, писал, что арестованным, выпоротым и расстрелянным можно было оказаться за любую мелочь: за длинные волосы или тужурку под пальто (похож на студента, а они все революционеры), за белую папаху (похож на дружинника), за смуглый цвет кожи (похож на еврея, а они все враги царя и отечества), за наличие платка или бумаги красного цвета, за то, что при обыске не оказывалось креста; почти неизбежно вело к расстрелу обнаружение револьвера, а его тогда для самозащиты носили многие люди, не имевшие никакого отношения к восстанию (так был убит студент-технолог и начинающий художник К.П. Романов)⁸⁹.

В полицейских участках зверски, до полусмерти избивали задержанных⁹⁰. Особенно печальной была участь схваченных студентов – их засекали насмерть, а если выяснялось, что молодой человек после порки ещё жив – пристреливали⁹¹. Убивали и курсисток, особенно если у них находили оружие⁹². Кошмарная картина открывалась перед теми, кто, отыскивая своих родных и друзей, приходил в морги или полицейские участки, куда свозили убитых. Сваленные

⁸⁵ Декабрьское вооружённое восстание 1905 г. глазами сотрудников московской полиции. Публикация И.В. Говорова // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 188.

⁸⁶ Деев-Хомяковский Г. Указ. соч. С. 133.

⁸⁷ Антошкин Д.В. Фабрика на баррикадах. Трёхгорная мануфактура в 1905 г. М., 1931. С. 71; 1905 год в Москве. Историко-революционный очерк. Ход событий и памятные места. М., 1955. С. 215–216; Москва в декабре 1905 г. С. 229, 236.

⁸⁸ Москва в декабре 1905 г. С. 235; 1905 год в Москве... С. 215.

⁸⁹ Москва в декабре 1905 г. С. 234, 237; Белоусов И. Из воспоминаний о 1905 годе // Каторга и ссылка. 1925. № 7. С. 12–14. Меньшевик В.А. Костицын писал о задержании и расстреле студентов-дружинников Б.С. Кустова и П.А. Михайлова всего лишь из-за студенческой тужурки (Костицын В. Декабрьское восстание 1905 г. // Декабрь 1905 года на Красной Пресне. Сборник статей и воспоминаний. М.; Л., 1925. С. 39–40, 46).

⁹⁰ Москва в декабре 1905 г. С. 233; Сторожев В. Ф.В. Дубасов и Г.А. Мин на Пресне в 1905 году // Голос минувшего. 1918. № 4–6. С. 133.

⁹¹ Москва в декабре 1905 г. С. 229, 231.

⁹² Там же. С. 236; Зензинов В. Указ. соч. С. 255.

там трупы часто занимали несколько ярусов, были изуродованы и обезображены⁹³. Незабываемым было горе жён и детей погибших⁹⁴.

16 декабря для восстановления порядка на Московско-Казанской железной дороге Мин направил в окрестности Москвы отряд во главе с полковником Н.К. Риманом. В приказе Мина требовалось: «Арестованных не иметь и действовать беспощадно»⁹⁵. За 4 дня на станциях Сортировочная, Перово, Люберцы, Голутвино и Ашитково по подозрению в соучастии в «мятеже» было расстреляно, по официальным данным, 55 человек⁹⁶. Риман и его подчинённые, оправдывая свои действия, утверждали в рапортах, что вина всех казнённых была очевидна, и все они являлись установленными участниками боевых дружин или грабителями⁹⁷. Но так или иначе всех их расстреляли без суда и следствия, на основании субъективного убеждения в их виновности. Даже В.Ф. Джунковский, занимавший в 1905 г. пост московского губернатора, оправдывая в целом действия Семёновского полка, признавал, говоря о Римане, что «жестокость его приёмов не вполне оправдывалась положением дела»: «Ему следовало назначить военно-полевой суд – это было бы всё-таки известное правосудие... Эта экспедиция Римана и оставила поэтому какой-то неприятный осадок, какую-то чёрную страницу на общем фоне подавления мятежа»⁹⁸. Разумеется, ответственность за действия Римана в полной мере нёс его начальник Мин.

Неизвестный биограф Мина писал, что «в частной жизни Георгий Александрович был чудный семьянин, обожавший свою старушку мать, жену и единственную дочь»: «Обладая весёлым, открытым характером, доброю, отзывчивою к чужому горю душой, покойный отличался необыкновенной религиозностью и набожностью»⁹⁹. Но, как выразился гр. С.Ю. Витте, в целом одобрявший распоряжения полковника в декабре 1905 г., «к сожалению, когда вспышка восстания в Москве была подавлена, генерал Мин продолжал допускать жестокости бесцельные и бессердечные»¹⁰⁰. А видный кадет Н.И. Астров, осуждавший как правительственное, так и революционное насилие, высказывался ещё категоричнее: «Не только либерально настроенная интеллигенция, но и весьма умеренная публика с нескрываемой ненавистью относилась к неистовствам семёновцев при подавлении восстания. Имена Дубасова, Мина, Римана стали ненавистными именами далеко не у одних революционеров»¹⁰¹.

⁹³ *Московский обыватель*. Декабрьские дни в Москве // Ужасные дни в Москве. Записки дружинника. СПб., 1906. С. 21; *Климков В.* Указ. соч. С. 76–77; *Белоусов И.* Указ. соч. С. 15; Москва в декабре 1905 г. С. 192; *Салтыкова Е.* Работницы в боевой дружине // Московское декабрьское вооружённое восстание 1905 г. Сборник материалов, воспоминаний и документов. М., 1940. С. 96.

⁹⁴ *Носков А.Г.* Первые баррикады // Великие незабываемые дни. Сборник воспоминаний участников революции 1905–1907 годов. М., 1970. С. 141.

⁹⁵ *Владимиров В. [Попов В.Е.]* Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семёновского полка в декабрьские дни на Московско-Казанской железной дороге. М., 1906. С. 15.

⁹⁶ Карательная экспедиция полк[овника] Римана // Красный архив. 1925. № 4–5. С. 407–409; Из истории московского вооружённого восстания. С. 95–97. Попов увеличивал их число до 150 человек, из которых только 21 так или иначе участвовал в восстании, остальных расстреляли совершенно невинно (*Владимиров В. [Попов В.Е.]* Указ. соч. С. 12, 67).

⁹⁷ Из истории московского вооружённого восстания. С. 86–105; Карательная экспедиция полк[овника] Римана. С. 400–407, 412–419.

⁹⁸ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 128.

⁹⁹ Книга русской скорби. Т. I. СПб., 1911. С. 48.

¹⁰⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. СПб., 2003. С. 402.

¹⁰¹ *Астров Н.И.* Воспоминания. М., 2000. С. 139.

При этом Николай II был полностью доволен командиром Семёновского полка, которого произвёл в генерал-майоры и принял 10 января 1906 г. в Зимнем дворце¹⁰².

Мысль об отмищении Мину далеко не сразу овладела Коноплянниковой. В первое время после событий в Москве она увлекалась не боевой, а общепартийной работой. Во второй половине декабря 1905 г. ЦК ПСР поручил Зинаиде руководить образованным при петербургском комитете партии бюро Всероссийского крестьянского союза (ВКС). В его ведении находилась вся Северная область (Архангельская, Вологодская, Новгородская, Олонецкая, Петербургская и Псковская губернии)¹⁰³.

Созданный летом 1905 г. ВКС был массовой крестьянской организацией, находившейся под сильным влиянием народнических групп несколько более умеренного толка, чем эсеры¹⁰⁴. Но ПСР, как вспоминал Чернов, хотела укрепить свои позиции в ВКС и сделать его близкой к себе политической силой¹⁰⁵. 29–30 декабря состоялся съезд Северного областного комитета ВКС, где по ключевым вопросам были приняты в основном эсеровские резолюции¹⁰⁶. Скорее всего, Коноплянникова участвовала в его подготовке и проведении. Её работа в Северном областном бюро ВКС оказалась очень тяжёлой: вскоре после съезда многих его членов арестовали¹⁰⁷, средств практически не было (ЦК ПСР выдал Зинаиде всего 20 руб.). Но Коноплянникова была человеком исключительной энергии и обладала хорошими организаторскими способностями. Судя по анонимным воспоминаниям одного эсера, она быстро нашла себе помощников, разделила бюро на несколько комиссий и каждой дала свои директивы. Дело понемногу сдвинулось с мёртвой точки¹⁰⁸. Хирьяков, много общавшийся с ней именно в первые месяцы 1906 г., свидетельствовал: «Без паспорта, без квартиры, рискуя каждый день быть арестованной, она работала вовсю, работала до изнеможения. Придёт, бывало, среди дня, придёт измученная, бледная, бросится на диван и уже сонным кивком головы благодарит за подsunутую подушку»¹⁰⁹.

Уехав в середине февраля 1906 г. по каким-то делам в Гельсингфорс, Коноплянникова привлекла к себе пристальное внимание полиции, которой из перехваченного письма стало известно о её намерении совершить террористический акт¹¹⁰. 20 февраля заведовавший агентурой в Финляндии Меньщиков телеграфировал начальнику Петербургского охранного отделения А.В. Герасимову: «Поездом номер два выехала [в] сопровождении филёров террористка. Прошу принять наблюдение»¹¹¹. Однако девушка задержалась в Финляндии (в городе Иматре) и лишь 1 марта прибыла в Петербург. В столице слежка за ней продолжалась до 21 марта 1906 г., когда ей удалось скрыться, уехав на время

¹⁰² Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2. Ч. 1. М., 2013. С. 108.

¹⁰³ РГАСПИ, ф. 673, оп. 1, д. 567.

¹⁰⁴ О ВКС подробнее см.: Колесниченко Д.А. Всероссийский крестьянский союз в 1905–1907 гг. М., 2006; Курёнышев А.А. Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. М.; СПб., 2004. С. 20–243.

¹⁰⁵ Чернов В.М. Указ. соч. С. 245.

¹⁰⁶ Колесниченко Д.А. Указ. соч. С. 209–214; Курёнышев А.А. Указ. соч. С. 181.

¹⁰⁷ Колесниченко Д.А. Указ. соч. С. 214.

¹⁰⁸ РГАСПИ, ф. 673, оп. 1, д. 567.

¹⁰⁹ Хирьяков А. Указ. соч. С. 300.

¹¹⁰ Меньщиков Л. Письмо в редакцию // Каторга и ссылка. 1926. № 1. С. 289.

¹¹¹ ГА РФ, ф. 111, оп. 1, д. 1291, л. 62.

в Сестрорецк¹¹². Меньшиков впоследствии утверждал, будто он сознательно позволил Зинаиде уйти от наблюдения¹¹³. Но едва ли это так, ибо петербургские филёры подчинялись не ему, а Герасимову. «К[оноплянникова] заметила за собой слежку, – писал 7 октября 1931 г. историку и публицисту Б.И. Николаевскому Чернов, – и обратилась к моей помощи для проверки. Условившись... о длинном маршруте с Васильевского острова до центра Невского проспекта, я на протяжении этого пути ясно установил наблюдение, производимое одним извозчиком и двумя пешими агентами, о чём и сообщил ей запиской... После этого она приняла радикальные меры для “самоочистки” и вскоре скрылась из Питера»¹¹⁴.

Деятельность Зинаиды в Северном областном бюро ВКС продолжалась четыре месяца¹¹⁵ и, насколько можно судить, закончилась во второй половине апреля 1906 г. К этому времени она окончательно решила сосредоточиться на подготовке убийства Мина¹¹⁶.

Через Чернова она обратилась к Азефу с просьбой принять её в БО¹¹⁷. Последний отказал, найдя Коноплянникову, по словам Чернова, «недостаточно выдержанной» и «слишком порывистой»¹¹⁸. Тогда она сама решила изучить образ жизни Мина и начать за ним слежку на свой страх и риск. Ей помогли в этом гвардейцы, распропагандированные ранее при её участии. Чернов поддержал её усилия деньгами, полученными от литературных заработков¹¹⁹.

Коноплянниковой хотелось взглянуть на Мина вблизи. Это было сложно, но во время каких-то похорон, на которых присутствовал Семёновский полк во главе со своим командиром, ей удалось близко к нему подойти и внимательно его осмотреть. По словам Хирьякова, вернувшись, девушка сказала: «Да, это дяденька серьёзный..., лев». «Ей возражали, – вспоминал Хирьяков, – что генерал Мин вовсе не имеет такого значения, которое она ему придаёт. Приводили мнения людей, близко его знавших, утверждавших, что это человек весьма ограниченный и обыкновенный, и что только пустая случайность придала ему трагический вид». Однако Коноплянникова стояла на своём: Мин виновен в гибели множества невинных людей, и она – именно она, а не кто-то другой – должна стать мстительницей¹²⁰.

Были ли у неё колебания на этом пути, мечтала ли она о личном счастье, любви? Судя по всему, да. Но Зинаида заставила себя отказаться от всего, что могло помешать боевым планам. В одном из своих стихотворений террористка обращалась к близкому ей человеку (возможно, Хирьякову): «Твой взор о ласке умоляет / И голос просит о любви... / Душа тоскует и страдает... / О, нет – уйди! <...>». Ярость, соединяющаяся с самоотречением, доводит её почти до иступ-

¹¹² Там же, л. 1, 56, 59; Хирьяков А. Указ. соч. С. 303.

¹¹³ Меньшиков Л. Указ. соч. С. 289.

¹¹⁴ НИА, Nicolaevsky Collection, Box 206, Folder 6. Чернов, правда, относил данную историю к более позднему времени, когда Коноплянникова уже была членом ЛБО, но это явная ошибка памяти.

¹¹⁵ РГАСПИ, ф. 673, оп. 1, д. 567.

¹¹⁶ Хирьяков А. Указ. соч. С. 300.

¹¹⁷ НИА, Nicolaevsky Collection, Box 206, Folder 6.

¹¹⁸ Из истории партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]. Показания В.М. Чернова по делу Азефа в Следственной комиссии партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] // Новый журнал. 1970. № 101. С. 195.

¹¹⁹ НИА, Nicolaevsky Collection, Box 206, Folder 6.

¹²⁰ Хирьяков А. Указ. соч. С. 303.

ления: «В моей душе святая злоба / За честь поруганной страны. / Я донесу ее до гроба – / Уйди, уйди! <...>». Предчувствие же неизбежной собственной гибели лишь усиливает и обостряет жажду отмщения, оставляющую, в свою очередь, героиню в трагическом одиночестве: «Здесь льётся кровь, несутся стоны... / Земля родная, не терпи! / Рокочут уж отмщенья волны – / А ты – уйди!»¹²¹.

Для осуществления своих намерений Зинаида связалась с Областным комитетом Северной области ПСР¹²². Фактически им руководил петербургский комитет. И хотя в период работы I Думы эсеры официально приостановили террор, для Мина решено было сделать исключение. В помощь девушке выделили людей, что, видимо, и подтолкнуло к созданию ЛБО. Точную дату его возникновения установить невозможно, но, скорее всего, это случилось в начале июня 1906 г.

Мин жил в Петербурге в небольшом деревянном особняке, перед которым располагался сад, отделённый высоким забором от Загородного проспекта. Перебраться через него было невозможно. Противоположная сторона дома выходила во двор, где всегда стояли часовые.

Коноплянникова решила дожидаться отправления Семёновского полка в летний военный лагерь. Узнав день, час и маршрут выдвижения полка, Зинаида поселилась в одном из номеров небольшой гостиницы на Забалканском проспекте, рассчитывая убить Мина гранатой (тогда их называли бомбами). Ранним июньским утром семёновцы прошли по проспекту. Девушка отворила окно, взяла бомбу и уже собралась бросить её в командира. Однако Мина нигде не было – ни спереди, ни сзади. Коноплянникова разрядила гранату и в изнеможении упала на постель, чтобы хоть как-то отдохнуть после бессонной ночи и успокоить взвинченные нервы.

Вскоре выяснилось, что Мин поселился в деревне Луизино в Петергофском уезде¹²³. Туда отправился член ЛБО, 47-летний рабочий-позолотчик В.И. Страхов¹²⁴, 1 июля 1906 г. снявший комнату у местного крестьянина П.М. Мозолайнена¹²⁵. Страхов говорил, что приехал на лечение, и, действительно, всё свободное время он проводил на воздухе, гуляя или сидя на скамейке возле своего жилища и одновременно наблюдая за находившимся неподалёку домом Мина¹²⁶. Два раза в неделю Страхов ездил в Петербург, где сообщал Зинаиде всё, что ему удалось выведать¹²⁷.

Генерал все будние дни находился в лагере, а на даче жили жена и дочь. В Луизино он появлялся нерегулярно, и это составляло главную проблему для организаторов покушения¹²⁸. Чаще всего Мин приезжал к семье в субботу вечером и уезжал в понедельник утром. Генерала сопровождал только служащий Петергофской дворцовой охраны Т.Д. Малофеев¹²⁹. От более серьёзных мер предосторожности Мин – человек, бесспорно, храбрый – отказался, считая, что сам сможет себя защитить¹³⁰.

¹²¹ ГА РФ, ф. 5802, оп. 2, д. 899, л. 4об.–5.

¹²² НИА, Nicolaevsky Collection, Box 206, Folder 6.

¹²³ Хирьяков А. Указ. соч. С. 303–304.

¹²⁴ РГАСПИ, ф. 673, оп. 1, д. 567; ГА РФ, ф. 102, 7-е д-во, 1906, д. 7934, л. 16, 59, 82.

¹²⁵ Дело Зинаиды Коноплянниковой. С. 267.

¹²⁶ Там же. С. 268–270; ГА РФ, ф. 102, 7-е д-во, 1906, д. 7934, л. 34 об.–35.

¹²⁷ Дело Зинаиды Коноплянниковой. С. 268.

¹²⁸ РГАСПИ, ф. 673, оп. 1, д. 567.

¹²⁹ ГА РФ, ф. 102, 7-е д-во, 1906, д. 7934, л. 34 об.

¹³⁰ *Spiridovitch A. Last Years of the Court at Tsarskoe Selo. Pickering, Ontario, 2010. P. 91; Книга русской скорби. Т. I. С. 54.*

Коноплянникова решила отправиться в Луизино вместе со Страховым, лично продолжить наблюдение и при первом же удобном случае убить Мина либо гранатой, либо из браунинга. По свидетельству Хирьякова, за несколько дней до отъезда у неё произошёл любопытный разговор с одним из товарищей, поставившим перед ней вопрос: «Достаточно ли хорошо она обдумала то дело, за которое взялась? Не может ли впоследствии явиться сознание его бесцельности и раскаяние?». Девушка даже обиделась – ведь она сделала свой выбор после долгого, мучительного размышления. «Когда ты бросишь бомбу, – советовали ей, – то моментально кидайся на землю: тогда много шансов, что ты останешься цела. – Ни за что! Никогда я этого не сделаю, – отвечала она... – Почему? Что за нелепая гордость? – Нелепая или нет, но бросаться на землю я не могу»¹³¹.

Зинаида считала себя обречённой на смерть. Мстительнице, отстаивавшей «честь поруганной страны», не следовало испытывать страха перед неизбежным концом. И она победила этот страх – смерть не пугала её, а скорее манила к себе, казалась желанной и привлекательной. Девушка любила повторять некрасовские строки: «Не рыдай так безумно над ним, / Хорошо умереть молодым!»¹³². Эта же мысль отразилась в её стихотворении «Хорошо умереть на заре»: «Всколыхнётся река и прошепчет трава: / Как темна была ночь на земле. / Встрепенётся листва, пробудившись от сна, – / “Хорошо умереть на заре”. <...> / Изумрудом, брильянтом роса заблестит, / Засияет луч солнца на дальней горе... / Вместе с тьмою печаль улетит, – / “Хорошо умереть на заре”»¹³³.

Коноплянникова прибыла в Луизино 31 июля 1906 г. и сняла комнату у М.А. Мозолайнена, отца того крестьянина, у которого жил Страхов. Она представилась учительницей, желающей устроиться на работу в петергофское начальное училище. Вместе со Страховым девушка обедала у Е.М. Мозолайнен – хозяйки дома, где он остановился. Зинаида проводила там большую часть суток – ей нравилось возиться с детьми, следя со скамейки за дачей и передвижениями генерала¹³⁴.

Каким-то образом террористы узнали, что 13 августа вечером Мин собирается отбыть на поезде в Петербург¹³⁵. Покушение требовалось осуществить в этот день или же его пришлось бы отложить на неопределённое время. Как писал Хирьяков, Коноплянникова с гранатой в дамской сумочке и браунингом в кармане подошла к дому, из которого вот-вот должен был выйти Георгий Александрович. Улица была пуста, и оставалось только дожидаться его появления. Но вдруг из соседних ворот выбежали ребяташки (возможно, дети Мозолайнен) и кинулись к девушке, которую уже успели полюбить. Она вернулась обратно, сказав Страхову: «Не могу ! Дети»¹³⁶.

Примерно в четверть восьмого Мин вышел из дома и велел подать лошадей¹³⁷. Кроме Малофеева¹³⁸, его сопровождали супруга и дочь, что стало полной неожиданностью для двух членов ЛБО, находившихся поблизости. Думая, что Мин поедет один (Малофеев и кучер были не в счёт), они собирались убить его бомбой по дороге на станцию. Теперь во избежание гибели членов семьи

¹³¹ Хирьяков А. Указ. соч. С. 304.

¹³² Зинаида Васильевна Коноплянникова. С. 22.

¹³³ Хирьяков А. Указ. соч. С. 304–305.

¹³⁴ Дело Зинаиды Коноплянниковой. С. 266–270.

¹³⁵ РГАСПИ, ф. 673, оп. 1, д. 567.

¹³⁶ Хирьяков А. Указ. соч. С. 305. Сам Страхов, однако, не упоминал об этом эпизоде.

¹³⁷ РГАСПИ, ф. 673, оп. 1, д. 567.

¹³⁸ ГА РФ, ф. 102, 7-е д-во, 1906, д. 7934, л. 35.

генерала Зинаида решила совершить покушение из браунинга на платформе перед самым прибытием поезда. Боевики попрощались друг с другом, и девушка отправилась вслед за Мином. Страхов отмечал, что «она была очень спокойна, даже шутила»¹³⁹.

О случившемся в тот вечер на станции Новый Петергоф сохранилось немало свидетельств, не всегда совпадающих друг с другом. Это и судебно-следственные материалы¹⁴⁰, и воспоминания очевидцев¹⁴¹, и публикации газет различных направлений¹⁴².

По-видимому, Коноплянникова наняла пролётку, которая ехала очень быстро, ибо девушка оказалась на платформе раньше Мина. Она ходила по ней взад и вперёд, производя впечатление обычной дачницы. Мин приехал в 8 часов вечера и сел на одну из скамеек, дожидаясь поезда. Его жена и дочь стояли (или сидели) рядом и разговаривали между собой. Малофеев встал у соседней скамейки. Между двумя скамьями гуляла публика, и в момент, когда паровоз приближался к станции, охранник на несколько мгновений потерял Мина из вида. Именно тогда – в 8 часов 7 минут – Зинаида подошла к генералу сзади и выстрелила почти в упор по меньшей мере четыре раза. Все раны были смертельны – пули повредили большинство внутренних органов и вызвали обильное кровотечение. Мин откинулся назад и упал. Через несколько минут он умер.

Террористка не пыталась бежать. Кто первым её задержал и выбил из рук оружие – неясно. К ней почти сразу бросились несколько человек – дежуривший на станции жандарм Т.И. Свиридов, Малофеев и супруга генерала Екатерина Мин, схватившая убийцу за горло. Сопrotивляясь, та готова была убить генеральшу, но в браунинге уже не осталось патронов¹⁴³. Мина – то ли уже скончавшегося, то ли в последние минуты жизни – перенесли в медицинский кабинет при станции. Поняв, что он мёртв, супруга и дочь генерала громко рыдали над его телом.

При аресте Зинаида сказала державшим её людям, чтобы они обращались с ней осторожно, ибо у неё с собой бомба. Она не хотела лишних жертв и готова была сама её разрядить, но это ей не позволили. Один из военных, находившихся на платформе, вытащил из левого кармана её пальто взрывное устройство. Коноплянникову отвели в дежурную жандармскую комнату, также располагавшуюся на платформе. Она вела себя хладнокровно, даже вызывающе: иногда улыбалась, спрашивала, не задел ли её пули кого-либо из посторонних, заявляла, что если бы ей не удалось убить Мина из браунинга, то она лишила бы его жизни, бросив гранату. Когда в комнату из любопытства заходили какие-либо офицеры, девушка надевала пенсне, смотрела на них с

¹³⁹ РГАСПИ, ф. 673, оп. 1, д. 567.

¹⁴⁰ Дело Зинаиды Коноплянниковой. С. 258–266; РГВИА, ф. 1351, оп. 1, д. 10123, л. 81–84, 89–90, 92–93, 96–98, 99–100, 104–105 об.; ГА РФ, ф. 102, 7-е д-во, 1906, д. 7934, л. 32–36 об., 40–40 об.; ф. 102, ОО, 1906, оп. 235, д. 312, л. 8–9; ф. 124, оп. 44, д. 3786, л. 1–2.

¹⁴¹ Книга русской скорби. Т. I. С. 54–55; *Spiridovitch A.* Op. cit. P. 91; *Хирьяков А.* Указ. соч. С. 305–306.

¹⁴² Новое время. 1906. 15 августа. № 10927. С. 2; Петербургский листок. 1906. 14 августа. № 221. С. 2; Россия. 1906. 15 августа. № 209. С. 2; Биржевые ведомости. 1906. 14 августа. № 9441. С. 2; 15 августа. № 9442. С. 2; Око. 1906. 15 августа. № 8. С. 3; Речь. 1906. 15 августа. № 138. С. 2–3; Русские ведомости. 1906. 15 августа. № 203. С. 3; 17 августа. № 204. С. 3; Русское слово. 1906. 14 августа. Приложение к № 202. С. 1; 15 августа. № 203. С. 2; Петербургская газета. 1906. 14 августа. № 220. С. 2–3; 15 августа. № 221. С. 3.

¹⁴³ Дело Зинаиды Коноплянниковой. С. 264.

усмешкой и говорила: «Чего эти идиоты хотят?»¹⁴⁴. Впрочем, когда в начале двенадцатого часа ночи Зинаиду стали заковывать в кандалы, ей едва удалось сохранить самообладание: «Лицо её побледнело, мускулы дрогнули. Но затем, быстро совладав с собой, она с лёгкой улыбкой протянула руки для кандалов». Около часа ночи в Новый Петергоф прибыл поезд с арестантским вагоном. Под жандармским конвоем Коноплянникову перевезли в Петербург, где поместили в Трубецкой бастион Петропавловской крепости¹⁴⁵. 15 августа девушку допросили. Признав принадлежность к ЛБО, она ничего не сказала ни о себе, ни о причине убийства Мина¹⁴⁶. Личность террористки установили только 18 августа, когда её опознал один из сотрудников Петербургского ГЖУ¹⁴⁷. Страхов в ночь с 13 на 14 августа покинул Луизино, уйдя через лес, и на следующий день уже был в Петербурге¹⁴⁸. Его розыски не дали результата.

Гибель Мина произвела сильное впечатление на царя и членов его семьи. Николай II и императрица Александра Фёдоровна ездили 14 августа в Луизино для прощания с генералом и участия в панихиде. 15 августа император с женой вновь побывали там на церемонии выноса тела на станцию Новый Петергоф для последующей отправки в столицу¹⁴⁹.

26 августа 1906 г. Зинаида предстала перед Петербургским военно-окружным судом. Заседание проходило прямо в Трубецком бастионе и длилось чуть меньше полутора часов¹⁵⁰. От услуг назначенного судом защитника подсудимая отказалась. Присутствовавший в зале чиновник Департамента полиции зафиксировал, что Коноплянникова «во время процесса держала себя совершенно спокойно, но притом не без вызывающей наглости»: «На сделанное замечание... обращаться к суду стоя – она заявила, что такое требование она исполнит, не из уважения к суду, а лишь подчиняясь приказанию... На вопрос о виновности она заявила, что... не может признать себя виновною, так как, по её мнению, с сознанием своей виновности должно быть сопряжено чувство раскаяния, чего у неё совершенно нет и в данном случае быть не может». Своё последнее слово она говорила, по мнению полицейского чиновника, «заученными фразами языка подпольных листков»¹⁵¹. Её речь местами действительно кажется слишком высокопарной и пафосно-обличительной по отношению к власти, но это шло у неё от сердца, было искренним, а не напускным. Заканчивалась она словами: «Я умру с одной мыслью: прости, мой народ! Я так мало могла тебе дать – только одну свою жизнь. Умру я же с полной верой в то, что наступят “те дни недалекие, / Когда трон, пошатнувшись, падёт, / И над русской равниной широкою / Ярко солнце свободы взойдёт”»¹⁵².

Суд приговорил девушку к смертной казни через повешение¹⁵³. В этот момент она улыбнулась¹⁵⁴. 28 августа помощник командующего войсками Пе-

¹⁴⁴ Там же. С. 263.

¹⁴⁵ Петербургский листок. 1906. 14 августа. № 221. С. 2.

¹⁴⁶ Дело Зинаиды Коноплянниковой. С. 265–266.

¹⁴⁷ ГА РФ, ф. 102, ОО, 1906. оп. 235, д. 312, л. 15.

¹⁴⁸ РГАСПИ, ф. 673, оп. 1, д. 567.

¹⁴⁹ Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2. Ч. 1. С. 148; Правительственный вестник. 1906. 17 августа. № 184. С. 2.

¹⁵⁰ Дело Зинаиды Коноплянниковой. С. 271–272.

¹⁵¹ ГА РФ, ф. 102, 7-е д-во, 1906, д. 7934, л. 54–54 об.

¹⁵² Зинаида Васильевна Коноплянникова. С. 11.

¹⁵³ Дело Зинаиды Коноплянниковой. С. 274.

¹⁵⁴ Петербургский листок. 1906. 27 августа. № 234. С. 3; Петербургская газета. 1906. 27 ав-

тербургского военного округа М.А. Газенкампф утвердил приговор¹⁵⁵. 29 августа 1906 г. в 3 часа 45 минут Зинаиду на особом пароходе отправили из Петропавловской крепости в Шлиссельбург¹⁵⁶. В 8 часов 30 минут она увидела своё последнее место заточения. Казнь состоялась в 9 часов 26 минут утра. В составленной со слов шлиссельбургского исправника докладной записке петербургского губернатора сообщалось: «Коноплянникова держала себя до последней минуты с полным самообладанием, последней своей воли не заявляла, от напущения священника отказалась»¹⁵⁷. Герасимов писал, что она взойшла на эшафот, декламируя строки Пушкина: «Товарищ, верь, взойдёт она, / Звезда пленительного счастья, / Россия вспрянет ото сна, / И на обломках самовластия / Напишут наши имена!»¹⁵⁸. Однако присутствовавший при казни солдат Н. Фролов ни о чём подобном не вспоминал. «Приведена осужденная, – сухо рассказывал он, – введена на эшафот и, с удивительным спокойствием выслушав смертный приговор, прочитанный прокурором, отстегнула от чёрного плаща белый крахмальный воротничок, обнажила шею и дала связать себе руки... Палач надел на шею веревку..., выбил скамейку из-под ног, и после того как тело закружилось, слегка поднял его кверху и затем резко рванул вниз; хрустнули позвонки, тело конвульсивно дёрнулось несколько раз и, сделавшись по виду тяжёлым – замерло. Через несколько минут врач определил смерть». Труп вынули из петли и положили в простой белый ящик, который был немедленно заколочен и перенесён во двор старой шлиссельбургской тюрьмы, где его и закопали¹⁵⁹.

На одном из листков бумаги, хранящихся в судебном деле, Коноплянникова записала древнее изречение: «Vanitas vanitatum et omnia vanitas»¹⁶⁰. Что она хотела этим сказать, неизвестно. Заканчивая свой очерк о Зинаиде Коноплянниковой уже после прихода к власти ненавистных ему большевиков, Хирьяков отмечал: «Часть её задушевного желания исполнилась: трон пошатнулся и пал. Но солнце свободы над русской равниной не взошло... Отрезвление придёт. Но в каких формах выльется это отрезвление? И неужели этим отрезвлением не оправдаются все те жертвы, которые принесены такими людьми, как Коноплянникова, ради свободы русского народа?»¹⁶¹. Разумеется, любой ответ тут же вызовет череду новых вопросов: можно ли бороться за свободу и демократию с помощью насилия? нужно ли было тогда в России внедрять эти ценности? осуществимы ли они в полной мере вообще где-либо? Окончательно разрешить их не удалось ни современникам Коноплянниковой, ни нам.

густа. № 233. С. 3.

¹⁵⁵ Дело Зинаиды Коноплянниковой. С. 274.

¹⁵⁶ ГА РФ, ф. 102, 7-е д-во, 1906, д. 7934, л. 65.

¹⁵⁷ Там же, л. 72.

¹⁵⁸ Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений / Вступит. ст., подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. Т. 2. М., 2004. С. 268.

¹⁵⁹ Н.Ф. [Фролов Н.]. Покушение на великого князя Николая Николаевича и казнь Коноплянниковой // Былое. 1918. № 13. С. 183–184.

¹⁶⁰ Дело Зинаиды Коноплянниковой. С. 275. Суета сует, всё – суета (лат.).

¹⁶¹ Хирьяков А. Указ. соч. С. 307.